

Н. А. БАКЛАНОВА

О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в.

Среди вопросов, возникающих при изучении истории русской культуры, немаловажное значение имеет вопрос о читателе, о том, какие интересы руководили им при составлении его библиотеки и каков был состав последней. Тему о русском читателе, и в частности о читателе XVIII в., нельзя считать достаточно разработанной в нашей научной литературе. Она еще ждет своего исследователя. Те отдельные этюды, которыми мы располагаем в настоящее время (имея в виду первую половину XVIII в.), касаются преимущественно состава библиотек людей придворных кругов, научных деятелей, дворянства и высшего духовенства. Предлагаемая статья содержит материалы для характеристики читателя, принадлежащего к составу крупного московского купечества.

После перенесения столицы в Петербург Москва продолжала оставаться экономическим и культурным центром страны. Укрепление связей между отдельными областями, развитие внутреннего обмена, а также усиление торговых отношений России с Востоком и Западной Европой повели к дальнейшему развитию всероссийского рынка. В этом процессе первенствующее значение принадлежало Москве. В нее притекали товары из разных областей государства. Она служила связующим звеном между окраинами страны. В Москве раньше, чем в других городах, складывались крупные капиталы. Московские купцы распространяли свои торговые операции не только на ряд русских городов, таких, как Петербург, Архангельск, Киев, Новгород, Рига и др., но и на заграничные порты, где у некоторых из них имелись свои отделения или агенты.

Капиталы, нажитые удачными сделками, вкладывались в промышленные предприятия (в это время в Москве быстро растет число мануфактур, главным образом текстильных), а также в питейные откупа, привлекавшие к себе владельцев капиталов возможностью легкой наживы: из получаемого «прибора» денег, превышавшего назначенный откупщику оклад, половина поступала в его пользу. Московские компанейщики охотно занимались винными откупами, приносящими большие барыши и способствовавшими быстрому обогащению. Но при неудачных обстоятельствах легко нажитые капиталы терпели крах и имущество откупщика подлежало конфискации.

Одной такой «неудаче», относящейся к 30-м годам XVIII в., мы обязаны составлением описей, послуживших материалом для данной статьи.

В октябре 1738 г. по определению следственной комиссии о питейных компанейщиках было велено описать находящееся в их домах имущество.¹ В связи с этим были составлены описи имущества 14 винных откупщи-

¹ ЦГАДА, ф. 248, Дела Сената по Камер-коллегии, книги 832—839, 842 (Дела следственной комиссии о московских питейных компанейщиках). Указаны нам Е. Н. Кушевой. Описи имущества помещены в книге 833 на лл. 695—813.

ков — представителей «знатного» московского купечества: владельцев мануфактур, купцов первой гильдии. Однако среди них мы не находим членов старых московских купеческих фамилий, известных в XVII в. Все они люди новые, вышедшие или из крестьянской среды или из средних слоев московского посада и сумевшие с течением времени составить себе значительное состояние. Так, Григорий Трофимов, упоминающийся в документах впервые в 1713 г., был в то время крестьянином подмосковного села Тайнинского. На его зажиточность указывает обстоятельство, что он брал крупные подряды на поставку в армию мундиров. Со временем он перебрался в Москву и стал тяглем слободы Малых Лужников у Крымского моста.² Емельян Москин в 1714 г. был также тяглем слободы Малых Лужников, владел солодовым заводом и торговал на Болоте хлебом.³ Андрей Семенов в 1713 г. был торговцем Седельного ряда. Через 30 лет, в 1743 г., он владел шелковой мануфактурой в Москве и числился купцом первой гильдии.⁴ Артемий Иконников в 1715 г. подряжался на поставку провианта в армию. Значительно позднее, в 60-х годах, у него вместе с Кашинцевым была в Москве ситценабивная мануфактура, годовая продукция которой оценивалась в 4700 руб.⁵ Василий Солоников во время составления описи был владельцем бумажной мануфактуры. О Максиме Демидове известно, что в 1747 г. он входил в состав гостиной сотни, жил в Москве, возглавляя семью, в которой числилось, считая сыновей, братьев, племянников и внуков, 9 человек мужского пола; все они жили вместе. Это была, видимо, старозаветная купеческая семья.⁶ Более подробные сведения сохранились об Иване Коротком. Впервые он упоминается в 1710 г. в числе лиц, взявших подряд на поставку сукна для армии. Через три года он был назначен в комиссию «для совещания о торговых делах», а в 1716 г. прибыльщик А. Курбатов рекомендовал Петру I Короткого вместе с другим московским купцом А. Павловым для назначения их правительственными торговыми агентами в Голландию, считая, что они «люди умные и торговцы знатные и летами не старые и иноземцы их имеют за правдивых купцов». Короткий в это время вел торговлю в Архангельске, Петербурге и Москве.⁷ В 1714 г. он в числе других «знатных» купцов был назначен к переселению в Петербург. Однако он не порывал связей со старой столицей. В 1722 г. он завел здесь бумажную фабрику. За Земляным городом, в Новой Басманной слободе, у него был каменный двухэтажный дом. В верхнем этаже находились жилые помещения из четырех комнат, а внизу — чуланы и кладовые, заставленные сундуками и скрынями с домашними вещами и платьем. На дворе в каменных погребах хранились продовольственные запасы. В конюшне стояли две лошади, а в сарае четыре коляски. Во всех помещениях окна и двери были снабжены железными решетками и затворами.⁸

² Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. III, кн. 2. СПб., 1888, стр. 495; Материалы для истории московского купечества, т. I. М., 1893, стр. 161 (Переписная книга Москвы 1747 г.).

³ Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. IV, кн. 2. СПб., 1891, стр. 963.

⁴ Там же, т. III, кн. 2, стр. 1021; ф. 372, Дела Сысского приказа, № 987.

⁵ Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. V, кн. 2. СПб., 1897, стр. 1255; История Москвы, т. II. Период феодализма. XVIII в. М., 1953, стр. 242.

⁶ Материалы для истории московского купечества, т. I, стр. 3 (Переписная книга Москвы 1747 г.).

⁷ Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. II, кн. 2. СПб., 1886, стр. 69; т. III, кн. 1, СПб., 1887, стр. 165; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV. Изд. «Общественная польза», стр. 202.

⁸ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 28; ЦГАДА, ф. 248, Дела Сената по Камер-коллегии, кн. 836, лл. 308—309.

О двух компанейщиках — Иване Веселовском и Михайле Савине — биографических сведений найти не удалось. Об Иване Рыбникове известно лишь, что он был тяглецом Кадашевской слободы. Наконец, у остальных четырех (из общего числа четырнадцати) книг не оказалось, поэтому мы и не будем останавливаться на этих лицах. Во время составления описи в 1738 г. из перечисленных десяти компанейщиков четырех — А. Иконникова, Г. Трофимова, И. Веселовского и И. Короткого — уже не было в живых.

Материалы описи дают возможность судить об обстановке в домах компанейщиков и о составе их имущества. Характер обстановки заметно изменился по сравнению с XVII в. Главным украшением комнат по-прежнему остается «красный угол», увешанный иконами в дорогих ризах. Но кроме них на стенах появляются западноевропейские новинки, чуждые купеческому дому предшествующего столетия: картины и зеркала. Вместо поставцов и лавок мы видим шкафы и стулья, обитые кожей, вместо простых столов — китайские «кабинеты», т. е. бюро или секретеры. У стен стоят в деревянных футлярах часы «с боем». В шкафах много стеклянной, фарфоровой и иной посуды, среди которой обращают на себя внимание «турецкий кофейник», чайники «с конфором»,⁹ чайные чашки с блюдцами. В столовом обиходе полотенца вытесняются салфетками. В перечне гардероба также характерно смешение старорусской одежды с западноевропейской: наряду со старинными шубами и кафтанами упоминаются новомодные камзолы с кисейными и полотняными «калстуками», вязаные чулки, встречаются даже португеза и шпага. В женском туалете телогреи и душегреи перемешиваются с немецкими бостроками, юбками и шлафорами, непременной принадлежностью костюма становится незнакомый для XVII в. корсет. Все реже встречается кокошник — его вытесняет модный «чепец» с лентами.

Такой же характер существования новизны со стариной имеет и состав библиотек компанейщиков. В описях имущества десяти перечисленных компанейщиков помещены и перечни имевшихся у них книг, причем они непосредственно следуют за описью икон: это указывает на то, что они считались большой ценностью. Всего насчитывается в десяти библиотеках 299 книг. Количество их у отдельных владельцев колеблется от 11 до 70.

Книги были духовные и светские, русские и иностранные, печатные и рукописные. При составлении описи обязательно указывалась цена книги, причем учитывалось ее состояние (в отдельных случаях делалась пометка: «ветха»), большею частью указывался формат («в лист», «в четверку», «в осьмушку»). Гораздо хуже обстоит дело с обозначением автора и заглавия. Первые далеко не всегда называются, а вместо точных заглавий часто даются ходовые, привычные в быту, например: «указные книжки», «Шведское замирение» (манифест о заключении мира со Швецией), «Судопрения книга».¹⁰ Особенно неточно, иногда с большими искажениями, описывались книги переводные. Так, например, сочинение Полидора Вергилия Урбинского «Осмь книг о изобретателе вещей. Преведена с латинского на великороссийский язык в Москве и напечатаны...» (1720) названо: «Конфидор Вергилия». Книга Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» дана без обозначения автора, а «Летопись»

⁹ «Конфор» — прибор для кипячения воды, состоявший из спиртовой лампочки с таганчиком, — предшественник самовара, который появился лишь в конце XVIII в.

¹⁰ Вероятно книга: Краткое изображение процессов или судебных тяжб против римскоцесарских и саксонских прав, учрежденное от Эрнста Фридриха Кромпейна... СПб., 1712.

Барония дана просто как «Бароний». В одной из описей встречается «Два Вергилия» и т. п. В некоторых случаях вообще невозможно определить, какую книгу имел в виду составитель описи, например: «книга историческая Златое руно» (может быть, история аргонавтов?) или просто: «книжка историческая». Особенно плохо дело обстоит с иностранными книгами. Составитель описи, не зная иностранных языков, обычно называл эти книги просто «немецкими» и «французскими», не обозначая их авторов и заглавий. Таким образом, мы лишены возможности представить себе содержание иностранных книг в библиотеках компанейщиков.

Большая часть книг почти каждой библиотеки состояла из печатных изданий. Из общего числа 299 на долю печатных приходится 258, на долю рукописных — 22; вероятно, к числу последних надо присоединить еще «14 тетрадей нотных больших и малых», относительно которых не указано, были ли они печатными или рукописными. Две «книги простых в переплете» и «книжка простая белая», очевидно, представляли собой тетради из чистой бумаги, предназначенные для записи торговых счетов, подобные тем, которые сохранились от конца XVIII в. Наконец, две книги обозначены в описи настолько неясно, что их нельзя причислить ни к одному из указанных выше разрядов.

Значительную часть печатных книг составляли книги церковные и духовно-нравственного содержания (174): Евангелие, Апостол, Псалтырь, Служебник, Часослов, молитвенники, жития святых, минеи, прологи, Октоих, сочинения отцов церкви, Маргарит, Ирмологий, Вертоград, Камень веры, Летописец Дмитрия Ростовского, Перло многоценное, Руно орошенное, святцы, Триодь, Шестоднев и др. Довольно много из этих книг названо в описи «ветхими». Возможно, что это были остатки библиотек, унаследованных еще от отцов.

Из числа печатных книг 22 приходится на долю книг светского содержания. Сюда относятся: буквари (среди них назван «букварь в лицах» — очевидно букварь, составленный Карионом Истоминым и напечатанный в 1694 г.), грамматики (одна из них «польская»), словари («букварь на три языка», «вокабула немецкая»), два географических атласа («две книги на александрийской бумаге атласы печатные», оцененные в 10 руб.), отдельные петровские указы, в частности «книжка о бродобритии». Встречаются также различные правительственные издания, выходившие отдельными листами, как например «тетради шведского замирения», описание смерти Петра I и др. Непременную часть почти каждой библиотеки составляли книги общеобразовательного характера: «География краткая» и «География генеральная», Синописис, Летопись Барония, «Книга о должности человека и гражданина» Пуффендорфа, «Юности честное зерцало» и, кроме того, календари. Имелась и художественная литература: «Эзоповы притчи», «История Троянская», «История покорения Иерусалима» Иосифа Флавия, «История Варлаама и Иоасафа», произведения Вергилия и др. Все это, как видим, книги, вышедшие преимущественно еще при Петре I. В одной из библиотек была литературная новинка «Езда в остров».¹¹

Из рукописных книг (22) большая часть (14) также приходится на долю духовных. Из светских отметим: Уложение 1649 г., «Книгу письменную судопрения», грамматику, «Зерцало мирозрительное» (книга по астрономии), «Книгу историческую Ягана Альбрехта индейских народов», «Лечебник», «О приступе к Царьграду», «О ведении и наказании». На-

¹¹ «Езда в остров любви». Роман. Перевод с французского В. К. Тредиаковского. СПб., 1730.

конец, по-видимому, к этому же разряду можно присоединить еще «списки с торговых статей». Как видим, большая часть светских книг, имевшихся в библиотеках компанейщиков в рукописном виде, представляет собой копии печатных изданий, в которых была потребность, но которые, очевидно, было трудно достать, поэтому они и переписывались.

При сравнении состава перечисленных библиотек можно заметить некоторые индивидуальные особенности, отражающие вкусы владельцев. Так, у М. Демидова (14 книг) и А. Иконникова (30 книг) библиотеки составлены исключительно из книг духовного содержания. Ближе к ним стоят библиотеки Е. Москина, у которого из 45 книг только три приходится на долю светских, и М. Савина, у которого из 22 книг было только две светские. У всех четырех владельцев книги были только русские. Только русские книги были также у А. Семенова (22) и В. Солоникова (30). Но у первого из них встречаем две светские книги: букварь и «Историю Иерусалимскую». У второго количество светских книг значительно больше: мы встречаем у него «Два Вергилия», «Систему магометанской религии, Иосифа Флавия», «Географию краткую», «Устав морской» и «Пять книжек указных». У И. Веселовского при небольшом количестве книг (11) преобладают книги светского содержания: два календаря, лечебник, Иосиф Флавий, а также две брошюры, выпущенные в связи со смертью Петра I. У И. Короткого, имевшего всего 11 книг (из числа их 7 рукописных), встречаем «вокабулу немецкую» и неизвестную «немецкую книгу». Больше всего книг было у Г. Трофимова (44) и И. Рыбинского (70). У первого, кроме уже называвшихся выше книг общеобразовательного характера и художественной литературы, были «букварь трехязычный» и «грамматика греко-словенская», а также «География» и уставы военный и морской. У И. Рыбинского среди светских книг (20) отметим Уложение 1649 г., «Устав вексельный на немецком и русском языке», «Географию генеральную», два атласа, 11 «книг немецких и французских»; у него же был единственный упоминаемый в описях новый западноевропейский роман в русском переводе «Езда на остров любви». Рыбинский был, вероятно, любителем нотного пения, так как в числе его книг находим «нотных больших и малых 14 книг».

Приведенный обзор 10 библиотек московских компанейщиков дает возможность до некоторой степени представить себе фигуру читателя, принадлежащего к высшему слою московского купечества второй четверти XVIII в. Как в быту, так и в своих интеллектуальных запросах он сохранил еще многое из старого «чина», унаследованного им от предшествующего столетия. Основу его библиотеки составляют книги церковного и духовно-нравственного содержания. Но наряду с ними появляется уже и светская литература. Круг интересов московских купцов XVIII в. значительно шире интересов их отцов, живших в XVII в. Некоторые из компанейщиков по своим торговым делам побывали за границей; другие, ведя торговлю в портах или крупных торговых центрах, были тесно связаны с заграничными коммерсантами. Это вызывало необходимость изучать иностранные языки, обращаться к словарям и справочникам. Потребовались знания из области географии. Постепенно компанейщики втягивались в знакомство с книгами общеобразовательного характера: историческими, юридическими, философскими. Наконец, в купеческих библиотеках встречаются, хотя и в небольшом количестве, книги из области художественной литературы. Это — переводные и изданные еще при Петре I басни Эзопа, произведения Вергилия и, кроме того, изданный в 1730 г. на русском языке французский роман «Езда на остров любви». Так, с одной стороны, московские купцы при составлении своих

библиотек исходят не только из узко утилитарных соображений, их занимают и вопросы общеобразовательного характера, с другой — появление книг из области художественной литературы указывает на усиливающийся процесс обмирщения их интересов.

Рассмотренные описи библиотек десяти московских компанейщиков наглядно показывают происходивший в их среде процесс столкновения новых течений со старыми традициями и постепенное внедрение светских элементов в утвержденный и настойчиво охраняемый церковью уклад.
